

Сов. культура - 1990 - 17 ноябрь - с. 15

В ОТЛИЧИЕ от Урмаса, который дальнейших контактов с героями своих передач, как правило, не поддерживает, мы свое общение с ним продолжили. Поэтому не удивляйтесь нашему нынешнему обращению друг к другу на «ты».

— Урмас, когда мы познакомились, ты был гордым, но бедным. Судя по твоему признанию в программе «600 секунд», теперь ты способен купить аж «Мерседес»...

— Вообще-то я хотел купить «Ладду», «девятку» — но она у нас в страшном дефиците, а по рыночной цене мне что-то не хочется... Я уже несколько лет, можно сказать, рыскаю по стране с надеждой перехитрить местную власть, думаю: раз «девятка» не продается в Эстонии, значит, ее можно купить в Магадане... Ну если не там, то где-нибудь в Алма-Ате... Пример товарища Соловьева (бывший первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. — Прим. авторов.), который, говорят, приобрел «Мерседес» в Ленинграде за те же 9 тысяч, что стоит «девятка», меня очень воодушевил, и я решил, что надо ехать в Ленинград... Ведь руководители всегда являлись для нашего народа ярким примером...

— Многие восприняли тогда твоё заявление как шутку, но, выходит, ты говорил всерьёз?

— Ну а почему, когда товарищ Соловьев делал такую покупку, никто не принимал это за шутку, я не понимаю? Мне уже за 36, но я до сих пор не имею шанса приобрести за честно заработанные деньги то, что хочу, по настоящему, а не спекулятивным ценам. Конечно, может быть, мои заслуги перед Советской Эстонией не так велики, как у некоторых, но я думаю, что тоже немало сделал, работая на пределе своих скромных возможностей...

— Многим своим героям ты задавал вопрос: являются ли они миллионерами? Сложилось впечатление, что ты изучал механизм: как же стать миллионером.

— Хай В передаче с Арманом Хаммером я тоже задал этот вопрос. Ведь сейчас в Советском Союзе новые экономические возможности, и действительно есть опасения, что кто-то может провалиться в миллионеры... Так вот Хаммер ответил, что для этого надо в первую очередь стать специалистом в каком-то деле. И все же он соглашается с известным мнением, что самое сложное — заработать первый миллион.

— Так ты его уже заработал?

— По-моему, стремиться стать миллионером в наших условиях — это какой-то бред. Ведь есть у тебя тысяча рублей или 10 тысяч — купить все равно нечего. Разве что склеить весь тираж вашей газеты... И хоть все финансовое положение и за это время поправили, но все чаще замечаю, что ем бутерброд без масла и колбасы...

— Однако, глядя на тебя, никак не скажешь, что ты голодаешь...

— В свое время я очень переживал из-за того, что не очень худой. А теперь отношусь к этому по-другому. Если вижу какого-то знаменитого толстого человека, насладившись и думаю: ведь не помешала же его комплименты стать ему выдающейся личностью...

— А ты считаешь себя уже выдающейся личностью?

— Нет! Ни в коем случае!

— А как бы ты охарактеризовал себя?

— Ну меня вполне устраивает определение «известный». Если вы думаете, что я зазнался и забыл, где мое место в рабочем строю, то эти упреки не по адресу. Потому что в отличие от многих я не питаю особых иллюзий по поводу своей персоны, и это, кстати, даже мешает мне в осуществлении каких-то проектов. Известный — да.

Три года назад Урмас Отт был телерепортером, еще только делавшим себе имя. Теперь он член Союза журналистов и даже автор двух книг, правда, пока не вышедших.

— Значит, телевизионной известности тебе показалось мало и ты решил стать еще и писателем?

— Да нет, я все тот же репортер, и моя основная работа по-прежнему репортерская — над циклом «Телевизионное знакомство». Просто я считал, что те люди, с которыми у меня были встречи, заслуживают несколько большего внимания, чем в полтора-два часа программы. Тем более кто-то смог ее посмотреть, кто-то нет, а повторять не дают. Книжки же можно читать и перечитывать, возвращаться к ним и через 15, и через 20 лет... Кроме того, они имеют такого ограничения в объеме, как телепередача. И в них вошли не только интервью с героями, а и мои личные впечатления, воспоминания об этих встречах. Пытался я раскрыть и технологические аспекты моей профессии на телевизионной, рассказав о «кухне» работы над циклом, о тех условиях, в которых он выпускается.

— Ты наверняка надеешься, что книжки станут бестселлерами?

— Да. Мне кажется, получилось интересно. И я завидую всем, кому удастся купить их — ведь тираж будет невелик. Я не сторонник того, чтобы тиражи были большими. Правда, по-

Не прошло и полугодия после дебюта на всесоюзном экране цикла «Телевизионное знакомство», как наша газета (кстати, первой из центральной прессы) предложила читателям нетелевизионное знакомство с автором и ведущим этой программы («СК», 30 апреля 1988 г.). Сегодня, когда «talk show» (разговорное шоу) Урмаса Отта в расцвете популярности, мы устраиваем новую встречу с ним.

ХОЗЯИН «ЗВЕЗДНОЙ» ГАЛЕРЕИ

лучается так, что рукопись, которую я

сдал недавно, выйдет в «Московском рабочем» раньше — в начале нового года. А книга, которая планировалась первой — в издательстве «Искусство», — появится, наоборот, позже. И, к сожалению, будет отличаться меньшей раскованностью стиля, чем другая. Дело в том, что я писал ее в 1986—1987 годах, когда перестройка и гласность были еще не в том состоянии, в каком находятся сейчас. И некоторые вещи я недоговаривал. К тому же были какие-то шекотливые моменты с некоторыми моими героями, когда я не знал, как написать о том, о чем все знают, но о чем говорить не принято. Тем не менее я постарался сделать и честно, и в рамках приличия. И это не моя вина, что со временем сдачи рукописи до ее выхода в свет в нашей стране проходит несколько лет.

— В общем, за минувшее время в твоей жизни произошло много перемен. Ты даже петь начал...

— О, да... Но я должен сказать, что к этому нельзя относиться слишком серьезно. Если кто-то думает, что я хочу сделать себе еще какое-то приближение, став эстрадным певцом, то ошибается. Я уверен, и вы не хуже меня знаете, что в родном отечестве и без меня достаточно бездарных эстрадных певцов. То, что мы с Роксаной Бабаан исполнили дуэтом «Давний разговор», это, как правильно сказала она в одном интервью, скорее результат дружбы. Мы оба давно знакомы с композитором Владимиром Матеичем, еще с тех пор, когда он не был таким знаменитым. И вот он-то и предложил нам исполнить эту песню. Правда, когда он позвонил мне и проиграл мелодию в первый раз, она была такой быстрой, что я стал его уговаривать переделать. Сказал, что его стихия — это «Лаванда», где никто ничего не понимает, но все сходит с ума. На самом же деле я тогда сразу сменил, что эту версию просто не потяну. В общем, Матеич переписал мелодию раза в три медленнее. И вот получилась такая песня. Оценивают ее, я знаю, по-разному. Существуют и разные взгляды на наш дуэт с Роксаной, особенно на мое в нем участие. Но когда шла премьера «Давнего разговора» в мартовской праздничной телепрограмме «Женщина всегда права» (1989 год), я понял, что выглядел там не хуже других...

— А для души что ты любишь слушать?..

— Классику. Увлёкся оперными записями...

— У тебя есть время, чтобы их слушать?

— Ну иногда бывает... Ведь я могу целыми днями сидеть, смотреть в одну точку, ничего не делая, и ни одна мысль не посещает мою голову.

— Это твой самый большой недостаток?

— Нет, другой — я курю.

— Неужели месяц, проведенный в Америке, где все активно борется с курением, за здоровый образ жизни, никак не повлиял на тебя?

— Мне кажется, они там просто сошли с ума! Но скорее всего — от хорошей жизни. А при той нищете, в которой мы живем, курение — хоть какая-то маленькая радость...

— Ну, наверное, у тебя есть и куда больше радости? Теперь тебя постоянно приглашают на творческие встречи с публикой...

— Разъезды по стране, о которых

вы говорите, я предпринимаю ради популяризации своей программы. Но если вы намекаете на то, что за эти встречи мне платят деньги, это действительно так. Впрочем, дело не в них. Я в самом деле получаю от общения с публикой большое удовольствие. Но вот парадокс: когда меня хорошо принимают, мне нравится, но это не интересно.

— То есть тебе интересно покорять публику?

— Да, я должен завоевать публику независимо от ее начального настроения. Это, конечно, адский труд. Сейчас многие работники ТВ проводят подобные встречи — может, это просто широко не афишируется. И в такой практике нет ничего неестественного. Если есть спрос — его надо удовлетворять. Это «рыночные законы». Но мало кто знает, на сколько часов, дней или месяцев каждый такой диспут с публикой укорачивает жизнь «торера». Если кому-то кажется, что это очень легко — держать внимание зрителей в течение двух часов, — пусть попробует.

— Но зато теперь ты мог бы, наверное, посперничать в ораторском мастерстве с кем угодно?

— Возможно, приобретается опыт. Если раньше мне надо было «выглядеть», то сейчас забываются об этом уже не надо. Могут быть такие, каковы есть. Безусловно, меня радует, когда кто-то отмечает мою работу, и не очень приятно, когда ее не принимают. Но началу у меня была иллюзия, что можно нравиться всем. Сейчас я глубоко убежден, что это невозможно. Я сам хорошо знаю свои недостатки и ошибки. И, если вы думаете, что моменты, когда я смотрю свои передачи, самые счастливые в моей жизни, это далеко не так.

— А есть такой вопрос, заданный тобой кому-то из героев «Телезнакомств», который ты сам считаешь «высшим пилотажем»?

— Да, такие вопросы были, хотя не так уж и много. Вообще меня иногда упрекают в том, что вопросы повторяются. Естественно, повторяются. Мой русский далеко не совершенен и ограничивает мои возможности в беседе. С другой стороны, каждое знакомство начинается практически с нуля, и я понимаю, что важен не вопрос, а ответ. Потому что именно от ответа зависит продолжение разговора. Всемирно известному бизнесмену Хаммеру я задал, например, такой вопрос: бывали ли в его жизни когда-нибудь, может, в молодости, случаи, когда он хотел что-то купить, но ему не хватало денег? У нас ведь их всегда не хватало... И несмотря на то, что у Хаммера есть огромный опыт общения и с русскими людьми, и с репортерами, он на меня так смотрел, что я понял: его об этом спрашивают впервые в жизни. Он подумал и сказал: «Нет... Не было».

— А где ты встречался с Хаммером, в Америке?

— Нет, хотя была такая возможность. Сначала я вел переговоры через отдел информации МИДа, но ничего не получилось. А потом, прошлой весной, когда пять молодых советских журналистов, в том числе и я, приехали в Америку по приглашению информационного агентства Госдепартамента США, как-то ночью, когда я находился в Сан-Франциско, — вдруг звонок из Вашингтона, из советского посольства. Мне предложили устроить встречу с господином Хаммером. А я,

как говорится, был бы рад, да грехи я рай не пускают... Я-то думал, что еду в демократическую страну, и костюма с собой не взял. А оказался в плену какой-то чопорности. Там все деловые люди ходят в костюмах, и у всех такой вид, будто они завтра станут президентами страны. Я быстро высчитал, что костюм, белая рубашка и галстук обойдутся мне долларов в 250 как минимум. И мне стало жалко тратить такую сумму. Когда в конце концов мы встретились с Хаммером в Москве и я рассказал ему эту историю, он надо мной очень посмеялся. А состоялась эта передача благодаря содействию заместителя председателя Госгелерадио СССР В. Лазуткина. Честно говоря, я не очень-то рассчитывал на помощь, потому что уже привык: люди много обещают, но ничего не делают. И вдруг звонок, что Хаммер принимает меня 11 февраля в 11 часов 20 минут и что телевидение полностью обеспечивает запись, ГУВС (Главное управление внешних сношений) выделило и лучшую технику, и профессиональных операторов, и переводчика. В общем, случаются приятные исключения из правил.

Что говорить, я чувствовал себя как на Западе: были большие возможности и съемки, и монтаж. И я понял, в каких условиях работают мои коллеги-международники, которые делают интервью с политическими деятелями. Это действительно одна радость! Твоя забота состоит только в том, чтобы узнать у собеседника то, что ты хочешь. И больше ни о чем не нужно думать — ни о каких технических нюансах подготовки передач.

— Сейчас твои «Телевизионные знакомства» — это уже определенный художественный уровень, «марка» качества. И многие, наверное, мечтают попасть в эту программу?

— Ну да, я рад, что цикл продолжает выходить, несмотря на какую-то общую духовную инфляцию. Несмотря на то, что технические условия подготовки передач остались такими же, какими были в самом начале. Несмотря на серьезные разногласия с режиссером Яном Пихлаком — и это понятно: когда два творческих человека постоянно работают друг с другом — они друг другу просто надоедают. И хотя мой режиссер очень терпелив, но какие-то конфликты время от времени возникают — ведь у меня характер не сахарный... Несмотря на то, что на Эстонском телевидении далеко не всем моим коллегам нравятся мои выходы с «Телезнакомствами» на всесоюзный экран. Есть люди, которые считают, что я продвинулся русским и коммунистам.

— Кстати, ты член какой-нибудь партии?

— Никакой. Мне кажется, что политика — дело грязное... Прежде были моменты, когда мое членство в КПСС могло бы мне помочь. Тем не менее я избежал такого искушения. И считаю, что это куда честнее, чем пробыть там вночное количество лет, — когда было выгодно, потом, когда обстановка изменилась, оттуда выходить. И таких политических игроков не люблю — у человека должны быть убеждения. Так вот я думаю, что важнее всего быть порядочным человеком. И меня очень настораживают те политики, которые вступают в ту или иную партию ради карьеры — я имею в виду прежде всего ситуацию в Эстонии. Они постоянно проигрывают в

уме разные сценарии: что будет, если все останется как прежде? Или наоборот: если мы отделимся от Союза, что тогда?.. И так далее. Я это вижу, и мне жаль этих представителей власти и мой бедный сонный эстонский народ. Опять в очередной раз его кто-то обманет, и опять потребуются полвека, чтобы он понял, что все оказалось не так, как ему говорили.

— Ну а для тебя всесоюзный экран это что — «окно» в мир?

— Да, я заинтересован, чтобы мою работу видели не только эстонцы, а и 200 с чем-то миллионов остальных советских телезрителей. Но дело тут не во мне. Важно, чтобы они встречались с теми выдающимися личностями, которые могут сказать им что-то важное и нужное. Если кто-то думает, что, давая по телевидению все время политику, можно добиться больших целей, это не так. Я уверен, что какое-то высказывание академика Федорова или писателя Коротича на фоне общей политической болтовни может значить куда больше. Именно поэтому считаю, что это не мои передачи, а Коротича, Хаммера, Мэтлока, Васильева, Ефремова... Эти люди заслужили внимания всесоюзного ТВ своей работой.

— А какова все-таки причина того, что «Знакомство» с Коротичем не вошло по ЦТ?

— Истинной причины не знаю. Когда я беседовал с председателем Госгелерадио СССР товарищем Ненашевым, понял, что у него есть свое видение этой проблемы, у меня — свое, у Коротича — свое. Ненашев считает, что Коротич сам не очень разумно поступил, когда они якобы договорились обо всем, а Коротич вдруг выступил с открытым письмом в журнале... Я, правда, думаю, что телевизионные начальники — очень зависимые люди. И, видимо, кто-то на самом высоком уровне считал, что эта программа не нужна, потому что те мысли, те идеи, которые проповедует Коротич, не нужны. Но хорошо, что она вышла на видеокассете. Мы не думали делать бизнес за счет зрителей. Долго ждали эфира, пока наконец не были поставлены перед дилеммой: или передача совсем не появится или ее увидят хотя бы обладатели видеомониторов, которые смогут потом рассказать всем остальным, о чем там шла речь.

— А какие еще проекты не удалось осуществить?

— Многие, к сожалению. В течение этих лет я убедился, что без менеджера трудно. И если мне чего-то не хватает, так это именно менеджера.

Не удалось внутри «Телевизионного знакомства» осуществить встречи с нашими эмигрантами: Макаровой, Барышниковым, Нуриевым, Вишневской, Ростроповичем, Солженицыным, Корчуным и так далее. Когда я был в Америке, то искал там спонсора. Но на Западе проекты с людьми такого ранга стоят дорого. Мы же нищие, и поэтому все делаем на энтузиазме. У нас ведь страна не профессионалов, а энтузиастов! Ну, может, относительно всей страны я преувеличил, но то касается советского телевидения, то это так. Условий никаких. ТВ работает не благодаря созданным условиям, а вопреки... В общем, спонсоров, которые вложили бы в мой проект хотя бы небольшие суммы, найти не удалось.

Не удалось мне, к сожалению, осуществить и встречу с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Наш последний с ним разговор был буквально за несколько дней до начала второго Съезда народных депутатов СССР: мы договорились о записи передачи после его окончания. Но...

Не удалось пока осуществить встречу и с чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым.

Я считаю, что правильно поступил, записав первое интервью с Карповым: мне было интересно психологически победителя, а победленного. И все-таки очень жалею, что с Каспаровым до сих пор ничего не получилось. Мы вели долгие переговоры с его матерью — буквально с первых шагов «Телевизионного знакомства». Но, как я сейчас понимаю, это был не очень удачный момент — тогда я был просто каким-то репортером...

— Ну, сегодня ты уже не просто... — Может быть, вы решите, что я честный, но я хочу сказать, что когда в вашей газете определяют самых популярных телеведущих, то, к сожалению, не учитывают, что все мы находимся в разных «весовых категориях». Я против Владимира Молчанова ничего не имею — он придумал прекрасную форму программы. Но ведь на него работает целый коллектив. И сборы из-за границы что-то передают, и готовые видеоклипы добавляются, и так далее... Фактически это передача не только одного Молчанова, а передача, в которой демонстрируются возможности ЦТ.

У Молчанова при всех его трудностях есть гарантированный эфир — каждую последнюю субботу месяца. Александр Невзоров тоже его имеет, и его программу из Ленинграда могут смотреть и в Москве, и в других областях. А я очень зависим от эфира. И постоянно веду борьбу за выход моих

передач на экран! После того как возникли трудности с выпуском, посвященным Коротичу, у меня был какой-то мертвый период. То есть я делал свои передачи дальше, наработал огромный запас, а с ЦТ — ни ответа, ни привета. Так вот, последний всесоюзный показ в 1989 году у меня был в августе, потом — «заваруха» с Коротичем, зрители в то время еще не видели ни Мэтлока, ни Федорова, ни Ефремова, ни Тихонова, и каким же образом я мог попасть к моменту определения самых популярных ведущих в их число?

— Да, ты абсолютно прав. И мы твою обиду понимаем. Но, дай Бог, чтобы это было самое большое огорчение в твоей жизни!

— Если бы... У меня еще и квартиру обокрали. Честно говоря, прежде к разговорам об организованной преступности я относился как к чему-то далекому, меня не касавшемуся. И вот, пожалуйста. Для меня это стало таким моральным ударом! Какое-то «тряпки» я не очень жалел, хотя и их, как известно, достать непросто. А вот рабочую видеотехнику... Там были и «Телевизионные знакомства», и передачи, которые я вел в прямом эфире, и то, что снималось мною в Америке — трехчасовая запись под названием «Американская мечта»...

— Извини за неуместную шутку, но, может, воры — просто твои фанатичные поклонники?

— Вот следовательно почему-то не пришла в голову такая версия...

— А грабителей нашли?

— Да, двое эстонцев.

— Но ведь традиционно считалось, что эстонцы не способны на воровство...

— Наверное, среди каждого народа есть разные люди.

— Эта история тебя ни о чем не заставила задуматься?

— Заставила. Надо заключить контракт с наемными охранниками и купить пистолет.

— А нам кажется, что есть куда более простой выход...

— Дружить с соседями?..

— Нет! Завести жену и написать на двери, как это сделал один известный актер: «Осторожно! Здесь живет злая собака».

— Ха-ха-ха... Я подумал. Тем более что «благодаря» этому ограблению я стал наконец-то владельцем отдельной собственной квартиры, которой у меня до сих пор не было.

— Ну вот, видишь, нет хуже без добра. К тому же и воров поймали. Ты же знаешь, сегодня это почти реально.

Кстати, это тот случай, когда я прекрасно понимаю, что человек может совершить такой поступок из-за социальной несправедливости. Ему тоже хочется иметь видеомонитор. Но я думаю, что, даже если в стране будет изобилие, это отнюдь не станет выходом. У людей нет никаких идеалов...

— Давай все-таки вернемся к разговору о более приятных вещах... Ты по-прежнему играешь в теннис?

— Я, конечно, играю. Но в последнее время у меня были разные потрясения, и я выходил на корт ну буквально раза по два в месяц — чего прежде никогда не бывало. Надеюсь, что все войдет в норму.

— Но, в общем-то, тебе нравится твоя сегодняшняя жизнь?

— Если бы она была мне противна, я бы жил другой. Потому что мне эти муки даже нравятся. Когда-то мне сказал об этом Никита Михалков, но тогда я не очень-то понял. А сейчас понимаю, потому что получаю кайф от мучительного процесса, от этих проблем, которые не решаются. Но это и есть моя жизнь. Это такая сладкая боль... Когда я переутомлен, стенаю о том, что надо отдохнуть. Когда же наступают дни отдыха — государственные праздники, я их ненавижу, потому что все сидит дома и занимается чем-то своим. А я страдаю от того, что в эти дни телефоны везде молчат и ничего не решается.

— Похоже, ты привык, что дома у тебя — «Смольный»?..

— Да, я начинаю беспокоиться, когда нет телефонных звонков. Для меня это очень странно, и я даже иногда поднимаю трубку, чтобы проверить, работает ли телефон.

— Тебе сейчас, наверное, приходится чаще давать интервью, чем брать?

— Пожалуй.

— Мож ли ты это предположить три года назад?

— Я не думаю, что я очень изменился. Нет, конечно, стал самоувереннее, лучше знаю свои возможности и знаю, к сожалению, чем ограничены мои возможности, — безусловно, это огорчает. Многие иллюзии, которые были, исчезли, и я не делаю вид, что их никогда не было... Ну пусть — самое красивое уже позади. Зато самое интересное — все равно впереди.

Т. МАРТЫНОВА,
Т. СЕКРИДОВА.

● Урмас Отт и Роксана Бабаан.

Фото А. Агеева.